

АЛЕКСЕЙ ВЕКШИН

ПАССАЖИРЫ НЕ ЗАЯВЛЕНЫ

Алексей Векшин

Пассажиры не заявлены

«Автор»

2026

Векшин А.

Пассажиры не заявлены / А. Векшин — «Автор», 2026

На космическом терминале вскрывают промышленный контейнер, который потребляет подозрительно много энергии. Бывший инспектор Павел Корин ожидает увидеть нелегальное оборудование. Вместо этого он находит квартиру, кухню и девочку, уверяющую, что всю жизнь живёт здесь. В накладной значится биотехнологическая установка. Пассажиров нет. Документы, как ни странно, настоящие. А люди внутри контейнера вовсе не выглядят пленниками. Они уверены, что Павел просто перепутал правила. Пытаясь разобраться, Корин находит следы других необычных грузов. Маршруты ведут через десятки кораблей и терминалов, где за одним неверным решением могут скрываться судьбы целых семей. Тем временем транспортная корпорация спешит вернуть контейнер под свой контроль. Чтобы узнать, кого и зачем прячут в межзвёздных перевозках, Павлу придётся довериться капитану старого буксира, нарушить собственные привычки и успеть раньше новой системы досмотра. Она не умеет отличать груз от человеческого дома.

© Векшин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пассажиры не заявлены

Глава 1

В грузовом терминале «Порог» не любили неожиданностей. Неожиданность означала остановленный конвейер, задержанный корабль и человека, которому придётся подписать объяснительную. Поэтому, когда в одиннадцатом секторе обнаружили контейнер, потреблявший вдвое больше энергии, чем положено, дежурный инженер сделал всё возможное, чтобы проблема осталась незамеченной до конца его смены.

Павел Корин появился на терминале через сорок минут после того, как проблему заметил автоматический контролёр. Ещё через десять он понял, почему до него сюда никого не звали.

— Биологический материал, — сказала диспетчер Зина Петкова, не поднимая глаз от планшета. — Штатный разогрев оборудования при подготовке к транспортировке. Так написано в пояснении грузоотправителя.

— А в пояснении грузоотправителя написано, что этот материал нужно охлаждать до восьми градусов.

— Значит, разогрев перед охлаждением.

— Вы сами в это верите?

Зина наконец посмотрела на него. Ей было около пятидесяти. За плечами висела куртка с эмблемой «Порога», на столе стоял стакан с давно остывшим чаем. Павел знал таких диспетчеров: если бы корабли летали на здравом смысле, они обеспечивали бы половину тяги.

— Я верю, что до конца смены осталось два часа, — сказала она. — И что на причале сто двадцать четыре контейнера. Вам какой нужен?

— Тот, который греется.

— Они все греются. Космос холодный.

Она протянула ему допуск. На экране светился номер R-44-118 и обычный перечень: герметичный биотехнологический модуль, промышленная ферментация, чувствительные культуры, страховая стоимость в семь миллионов кредитов. Груз направлялся с Реи на Тессер, а на «Пороге» находился меньше шести часов.

Павел пролистал параметры. Сорок девять минут назад модуль потреблял четыре с небольшим киловатта. Сейчас — почти девять. Перед этим был спад до двух. Причём пики происходили с такой регулярностью, словно внутри включали какой-то крупный бытовой прибор по расписанию.

— Мне нужен журнал за предыдущие сутки.

— Он не наш. До прибытия контейнер был на чужом судне.

— А предыдущие рейсы?

— Данные у перевозчика.

— Значит, сначала посмотрю сам груз.

Зина махнула в сторону выхода, и Павел пошёл по служебному коридору.

Сектор одиннадцать занимал внутреннюю сторону большого вращающегося кольца. Под ногами ощущалась привычная слабая тяжесть, достаточная для ходьбы без поручней, но недостаточная, чтобы забыть о станции. Сквозь длинное смотровое окно виднелись доки: грузовые суда, буксиры, расходящиеся ряды контейнеров, тонкие огни маневровых двигателей. За ними висела Рея, буро-синяя планета с белой полосой атмосферы у края. Павел вырос на её орбитальных станциях и привык считать этот вид чем-то вроде вида на парковку из окна кухни.

Ему было тридцать пять, и три года из них он работал на себя. После государственной инспекции независимая экспертиза казалась избавлением: меньше совещаний, меньше отчётов для отчётов, никто не требовал согласовывать формулировку слова «недопустимо». Вза-

мен появились просроченные выплаты, посредники, придумывающие новые скидки уже после выполненной работы, и клиенты, для которых слово «независимый» означало «готовый подписать что нужно».

За этот контейнер платил страховой пул терминала. Деньги были небольшие, зато реальные. Павел рассчитывал потратить на осмотр час, отправить акт и успеть домой до закрытия столовой, где готовили приличную лапшу.

Контейнер стоял в глубине причала на отдельной подвесной раме. С виду ничем не отличался от сотен соседних: матовая обшивка, сервисные панели, следы ударов о погрузочные захваты. Стандартные шестнадцать метров в длину, шесть в ширину и около пяти в высоту. На боку — знак биологической опасности первой категории, рядом имя производителя, которого Павел прежде не встречал.

Внизу горел индикатор внешнего питания. Через толстый разъём уходил жгут кабелей к распределительной стойке.

— Не трогать ничего без старшего смены, — предупредил сопровождавший его техник. Молодого человека звали Федя; он сказал это уже третий раз за десять минут.

— Я ещё ничего не трогал.

— На вас смотрят камеры.

— На них тоже ничего не трогал.

Федя не улыбнулся. По его лицу было видно, что присутствие эксперта не входит в круг любимых занятий.

Павел приложил датчик к сервисной панели. Тепло распределялось неравномерно: передняя часть была почти холодной, в центральной шёл ровный прогрев, а у задней стенки прибор отмечал два тёплых пятна, то появлявшихся, то исчезающих. Для ферментационной установки картина была странной, но не невозможной. Если внутри стояли секции с разными режимами, датчики могли видеть их именно так.

— Откуда утечка мощности? — спросил он.

— Никакой утечки. Потребление внутри нормы кабеля.

— Оно внутри нормы подключения. А заявленную мощность превышает вдвое.

— Должно быть, испорченный контроллер.

— Тогда почему он не сообщает об аварии?

— Может, и сообщение испорчено.

— Ваше объяснение становится всё интереснее.

Павел открыл служебную панель. Федя потянулся было остановить его, но увидел на допуске разрешение на внешний осмотр и передумал.

Под крышкой, среди штатной проводки и запаянных разъёмов, находился совершенно обычный блок учёта воды. Павел проверил его номер по схеме. В документации контейнера этот блок не значился.

— Кто ставил дополнительный контур? — спросил он.

— Какой ещё контур?

— Вот этот. Возврат воды. Не теплоносителя, а очищенной воды.

Федя наклонился.

— Может быть, для промывки биореакторов.

— Может быть. Но для промывки обычно не нужен расход каждый вечер в одно и то же время.

— Вы по воде определяете вечер?

— Когда работаешь с грузами, у которых нет часов, приходится определять его по чему-нибудь ещё.

Павел запросил сохранённый на панели журнал за последние две недели. Утренние пики расхода воды, вечерние пики, заметное повышение вентиляции в определённые часы. Если

смотреть на графики по отдельности, всё можно было объяснить особенностями производства. Вместе они напоминали расписание жизни, а не работы оборудования.

Он вернул крышку на место.

— Открываем.

Федя отступил, словно услышал предложение вскрыть чужой сейф у него дома.

— Это не наша компетенция. В документах указана пломбировка отправителя.

— В договоре страхового контроля есть аварийный допуск. При признаках нештатного тепловыделения можно вскрыть груз в присутствии ответственного представителя терминала.

— А признаков нет.

Павел показал ему экран.

— Для холодильного модуля с установкой на восемь градусов внешняя стенка в двадцать семь считается признаком. Мне позвать начальника безопасности или вы сами?

Федя ушёл к служебному терминалу. Павел остался ждать.

Контейнер тихо щёлкнул изнутри. Потом раздалось ещё что-то — слабый, почти неразличимый звук. Павел приложил ладонь к обшивке, проверяя вибрацию. Шум исчез.

Можно было предположить работу насоса, клапана, скребкового механизма. Павел не стал придумывать четвёртую версию.

За последние десять лет он видел в грузах всё: незарегистрированные двигатели, триста килограммов пищевых добавок, которые оказались наркотическим прекурсором, и ящик редких орхидей, перевозимых в защищённом саркофаге. Однажды страховая компания попросила его установить причину странного шума в двадцатитонном буровом агрегате. Внутри обнаружился робот-пылесос, забытый монтажником. Робот продолжал честно искать мусор, хотя герметичный агрегат уже полгода находился на межзвёздном рейсе.

Такие воспоминания помогали не поддаваться фантазии.

Через четверть часа пришёл старший по безопасности — широкоплечий мужчина со шрамом над левой бровью. На форме значилось «О. Бородин».

Он изучил Павлов допуск и сразу заявил:

— Если внутри испорченный ферментер, его стоимость списывается на вашу страховку.

— На страховку терминала. Для этого меня и пригласили.

— Вы сейчас будете настаивать на вскрытии?

— Да.

— А если окажется, что никакой аварии нет?

— Вы сможете добавить это в отчёт как хорошую новость.

Бородин сердито выдохнул, запросил подтверждение у центрального поста и поднёс служебный ключ к внешнему замку. На панели появились две строки: «Режим карантинного хранения» и «Допуск независимого эксперта». Павел подписал электронный протокол, указав причину доступа — несоответствие температурного режима заявленной категории груза.

На электронном пломбировочном узле мигнул красный свет. Глухо ударили внутренние фиксаторы.

Тяжёлая дверь отошла наружу не сразу. Сначала открылась узкая щель, затем заработал привод. Павел ожидал увидеть технологический шлюз, контрольные датчики, возможно — аварийную защитную мембрану.

Шлюз там действительно был. Узкий проход, светлая облицовка, вентиляционная решётка, закрытая вторая дверь. Только вместо предупреждения об опасных культурах слева висел деревянный крючок с синей детской курткой. Под ним стояла пара небольших ботинок.

Павел остановился.

Бородин заглянул ему через плечо.

— Чьи это вещи?

— Не знаю.

На полу лежал резиновый коврик, чистый, тщательно подрезанный под размер шлюза. Над ним аккуратным почерком было написано: «Пожалуйста, не оставляйте мокрую обувь у внутренней двери».

С противоположной стороны слышалось приглушённое журчание воды и чей-то разговор. Затем протянулся короткий звон — будто на кухне отключился таймер.

Бородин достал коммуникатор.

— У нас тут посторонние предметы. Возможно, вмешательство в конструкцию груза. Я запрашиваю дополнительный наряд.

Павел осторожно прошёл внутрь.

— Не спешите. Сначала выясним, безопасно ли здесь вообще находиться.

— Вы только что сказали, что надо вскрывать.

— Внешнюю дверь. Внутренняя ситуация отличается от ожидаемой.

— Что вы там ожидаете?

— Теперь — вообще не знаю.

Вторая дверь открылась сама.

На пороге стояла девочка лет тринадцати — высокая для своего возраста, с тёмными волосами, собранными в небрежный хвост. На ней были домашние брюки, футболка с облупившейся эмблемой какой-то музыкальной группы и разные носки. В одной руке она держала тетрадь, в другой — надкушенное яблоко.

Она посмотрела сначала на Павла, потом на Бородина и на распахнутый внешний шлюз.

— Вы по воде? — спросила девочка.

Павел не сразу нашёлся с ответом.

— По какому вопросу?

— У нас второй день шумит фильтр. Мама сказала, что придёт специалист. Я думала, вы он.

— Нет. Я эксперт по безопасности перевозок.

Девочка заметно расстроилась.

— Тогда фильтр опять придётся слушать.

Из-за её плеча открывался проход в настоящее жилое помещение. Павел видел стол, полку с книгами, потолочный светильник тёплого цвета. На стене висел рисунок: грузовые корабли, раскрашенные яркими фломастерами, а между ними — маленькие мостики. Откуда-то тянуло поджаренным хлебом.

Бородин опустил коммуникатор.

— Девочка, как ты сюда попала?

— Через дверь, — сказала она. — А вы?

— Как тебя зовут?

— Лея.

— Фамилия?

— Рогова. А вы кто?

Павел представился. Бородин показал служебный знак и потребовал позвать взрослых. Лея оглянулась через плечо.

— Дядя Мирон! Тут проверка!

Из глубины помещения ответил мужской голос:

— Какая ещё проверка?

— Настоящая. Они снаружи открыли!

Судя по последовавшему звуку, взрослый человек уронил что-то тяжёлое.

Павел отступил на полшага, чтобы не загораживать дверь. Ему хотелось оглядеться, но он понимал, что сейчас самое важное — не спугнуть людей и не позволить охране сделать глупость.

— Лея, — сказал он, — здесь есть ещё кто-нибудь?

— Есть. Дядя МIRON, тётя Рада и Петька. Только Петька спит после ночного дежурства, его лучше не будить.

— Вы все путешествуете в этом модуле?

Она сморщила нос, будто вопрос показался ей слишком простым.

— Ну да. Он же наш.

— А где вы живёте обычно?

Лея посмотрела ему прямо в лицо. Её раздражение было совершенно искренним.

— Здесь и живём. Я же сказала.

В коридоре за ней появилась фигура мужчины, натягивавшего на ходу рабочую куртку. Павел увидел за его спиной лестницу на второй уровень и ещё одну дверь, на которой висел рисунок с надписью «Моя комната».

Существование человека внутри грузового контейнера можно было объяснить контрабандой. Появление целой семьи было сложнее. А вот домашние тапочки, расписание уборки и детская тетрадь делали эту версию недостаточной.

— Давно вы здесь, Лея? — спросил Павел.

Она пожала плечами.

— Я здесь родилась. Только тогда этот модуль ещё не был нашим.

Бородин медленно повернулся к Павлу.

За дверью открывался обыкновенный дом. Просто снаружи, по всем документам, в нём не должно было быть ни одного человека.

Глава 2

— Посторонним нельзя дальше шлюза, — сказал мужчина в рабочей куртке.

Он остановился перед Павлом, заслонив собой проход. Лет под шестьдесят, высокий, крепкий, с короткой седой бородой и ожогом на кисти. Куртка была застёгнута неправильно, на босой ноге болтался один тапок.

— У вас здесь несовершеннолетняя, — сообщил Бородин. — В грузовом модуле. Без пассажирского допуска.

— Я вижу, что вы умеете замечать очевидное. А разрешение входить к нам домой у вас есть?

— Я старший по безопасности грузового сектора.

— Поздравляю.

Павел поспешил вмешаться. Начинать разговор с взаимных поздравлений было верным способом закончить его нарядом охраны.

— Меня зовут Павел Корин. Независимый эксперт по грузовой безопасности. Терминал зарегистрировал тепловое отклонение, мне поручили проверить состояние установки. Мы вскрыли внешний шлюз в рамках аварийного допуска. Теперь необходимо выяснить, есть ли здесь реальная угроза и почему в грузовой документации не указаны люди.

— Угрозы нет, — ответил мужчина. — Системы в норме. Внешний шлюз можно закрыть.

— Разберёмся. Представьтесь, пожалуйста.

— Мирон Лосев. Ответственный за оборудование этого модуля.

— За людей кто отвечает?

Мирон покосился на Лею. Та спокойно доела яблоко и аккуратно положила огрызок на небольшой поднос у двери.

— Мы сами за себя отвечаем, — сказал Мирон.

— Девочке тринадцать лет, если я не ошибаюсь. Взрослого представителя здесь обязательно придётся установить.

— Её мать работает. Она выйдет на связь.

— Где работает?

— Сейчас это не имеет отношения к вашей проверке.

— Напротив, имеет. Прямое. Если мы оформляем экстренный протокол с несовершеннолетней внутри, нам необходимо подтвердить, что она не находится в опасности.

— Я не в опасности, — сказала Лея. — Если не считать того, что вы открыли дверь на грузовом терминале. А здесь воздух очень плохой. По крайней мере, мама так говорит.

— В грузовых зонах он действительно не лучший, — признал Павел.

— Тогда закройте хотя бы внешнюю.

Это была первая разумная просьба, которую ему высказали с момента прибытия. Павел повернулся к Бородину.

— Нам не нужно держать внешний шлюз открытым. Закроем его, оставим регистрацию доступа активной. Внутрь пройдем только с согласия ответственного лица.

— Какое согласие? — возмутился Бородин. — Здесь нарушение. Я вызываю дежурный наряд.

— Вызывайте. Только сразу уточните, что находятся живые люди, и не распоряжайтесь отключать питание до прибытия специалиста. Это уже не просто биологический груз.

Бородин хотел возразить, но вместо этого сверился с данными на панели. Видимо, впервые заметил, сколько энергии потребляет контейнер. Он вышел в шлюз, чтобы связаться с постом безопасности.

Павел остался перед Мироном и Леей. Тишина оказалась неловкой. Он слышал слабую работу вентиляции и где-то внутри — короткую мелодию, которую кто-то быстро выключил.

— Мне нужно осмотреть систему жизнеобеспечения, — сказал он. — Не потому, что я собираюсь отсюда кого-то выселять. Чтобы понять, что вам сейчас угрожает.

— Вы уже поняли, что нам угрожает, — отозвался МIRON. — Вон тот человек с нашивкой.

— Он выполняет работу. Вряд ли ему сегодня утром пришло в голову специально искать вас.

МIRON с сомнением посмотрел на Павла, затем отступил в сторону.

— Обувь оставьте здесь.

— У меня допуск в защитной обуви.

— Тогда надевайте сверху чехлы. Я пол вчера мыл.

Павел нашёл в нише коробку с одноразовыми бахилами. Старший инспектор, открывший когда-то на Рее десятки незаконных грузовых отсеков, впервые проходил на проверку у голубых прозрачных чехлах. Отдельного пункта для этого в протоколе не было.

За дверью располагалась небольшая общая комната. Потолок чуть ниже стандартного, стены отделаны светлыми панелями. В дальнем углу стоял стол на шесть мест. Возле окна — настоящего окна здесь, разумеется, быть не могло — находилась длинная диванная скамья. Экран в раме показывал медленное движение звёзд и тонкий край грузового корабля. На подоконнике стояли горшки с травами; Павел заметил автоматическую систему полива, собранную из явно бывших в употреблении деталей.

Справа начиналась кухня размером с корабельный камбуз. Слева — узкий коридор, от которого отходили двери жилых комнат. Лестница вела на второй уровень, где по стене тянулись трубы и воздуховоды. Места было немного, но все вещи выглядели так, будто их ставили сюда надолго. Даже мелкие царапины на столешнице успели приобрести знакомый домашний рисунок.

Павел проверил качество воздуха ручным анализатором. Кислород, углекислый газ, влажность — всё в пределах нормы жилого отсека. Температура двадцать два градуса. Давление стабильное. Его раздражало, как спокойно в этих условиях выглядят цифры. Снаружи контейнер был записан как холодильная биоустановка.

— Сколько человек проживает здесь постоянно?

— Шестеро, — ответил МIRON. — Сейчас четверо. Ещё двое на работе.

— В каком смысле на работе?

— В обычном. Кто-то же должен оплачивать все эти счета.

Он указал на энергетический блок в конце коридора. К панели были приклеены аккуратные бумажные ярлыки, на каждом — дата обслуживания и подпись. Павел узнал несколько обозначений деталей. Их можно было встретить и в медицинских отсеках, и на дорогих жилых яхтах. Система была не новейшей, зато обслуженной гораздо лучше, чем половина оборудования «Порога».

— Это вы собирали?

— Нет. Я чиню. Собирали другие, ещё до нас.

— Кто выдавал сертификат на жилое использование?

МIRON потёр переносицу.

— На жилое — никто.

— Тогда на каком основании здесь живут люди?

— Хороший вопрос. Мы его обсуждаем много лет.

Павел решил пока не давить. Он поднял крышку блока обслуживания и проверил контрольные журналы. Система работала в нормальном режиме. Аномалия энергопотребления действительно присутствовала, но само оборудование её не считало аварией: нагрузка прихо-

дилась на дополнительный нагревательный контур, подключённый через штатный сервисный разъём.

Странная деталь. Если цель — скрыть проживание людей, намеренно привлекать внимание лишней нагрузкой было глупо. Но люди порой делали и более глупые вещи.

В комнату вошла женщина с коротко остриженными волосами, представилась Радой и спросила, можно ли продолжать готовить обед. Павел признался, что не видит для этого причин отказываться, если плита исправна и вентиляция работает. Рада молча вернулась на кухню. Через минуту зашипело масло.

За столом Лея раскрыла тетрадь и продолжила что-то писать. Павел краем глаза заметил заголовок: «Торговые маршруты Реи и Тессера: сравнительный анализ». На полях были зарисованы простые схемы шлюзов и грузовых причалов.

— Это школьное задание? — спросил он.

— Да.

— Серьёзная тема для тринадцати лет.

— Нам дали выбрать. Остальные пишут про сельское хозяйство Тессера.

— Ты там бывала?

— На Тессере? Конечно.

Павел хотел спросить, каким образом, но не стал. Судя по возрасту и уверенности девочки, попытки выяснить всё одним разговором только испортят дело.

— А вы раньше кем работали? — спросила она, не отрывая карандаш от бумаги.

— Инспектором.

— Поэтому у вас лицо такое, будто сейчас всем поставите оценку?

— У меня обычное лицо.

— Так обычно говорят учителя, когда собираются поставить двойку.

Мирон чуть заметно улыбнулся. Павел сделал вид, что сосредоточился на датчике.

— А почему не работаете инспектором?

— Уволился.

— Сами?

— В основном.

Лея наконец посмотрела на него. Видимо, по собственному опыту знала, что такое «в основном».

Из шлюза донёсся голос Бородина. Он кому-то объяснял, что обнаружил «оборудованное помещение с гражданскими лицами». Павел подумал, что человеку явно нелегко подобрать официальное описание увиденному.

Вернувшись, Бородин потребовал документы.

Мирон достал из стенного шкафчика тонкую папку и несколько карточек. Все были оформлены аккуратно: полные имена, даты рождения, медицинские сведения, фотография, история прививок. У каждого человека имелся номер в местном учётном реестре.

Павел проверил контрольные подписи. Они относились к внутренней системе, а не к государственной базе Реи. Карточки не были фальшивыми — просто не обладали статусом официальных удостоверений личности.

— Это ваш домашний учёт? — спросил он.

— Вроде того, — сказал Мирон.

— Кто его ведёт?

— У нас есть регистраторы.

— Где?

— В разных местах.

— И вы предлагаете мне считать такие документы достаточными?

— Я предлагаю вам хотя бы не считать нас выдуманными.

Бородин уже набирал что-то на коммуникаторе.

— Ни одного действующего пассажирского допуска. Даже девочка не зарегистрирована. Я оформляю всех как незаконно перевозимых лиц.

— Оформляйте обнаружение людей, — поправил Павел. — О квалификации нарушения пока рано говорить. Контейнер находится на стоянке, а не в пассажирском рейсе. Нам нужно установить условия предыдущей перевозки, правовой статус модуля и непосредственные риски.

— Я не юрист.

— Я тоже. Поэтому давайте не будем заранее подменять ими юристов.

Они вышли из общей комнаты в шлюз, чтобы разговаривать без детей. Павел не хотел обсуждать чужие права так, словно хозяева квартиры оказались мебелью.

— Послушайте, — сказал Бородин, заметно снизив голос. — Я понимаю, что тут странное дело. Но по нашим правилам все незаявленные пассажиры должны быть переданы службе безопасности. Людей нужно вывести из груза.

— Вывести куда?

— В зону временного размещения.

— Она рассчитана на краткосрочное пребывание, а потом?

— Их передадут компетентным органам.

— Вы знаете их гражданство? Документы? Медицинские условия? Допустим, вы отрезали их от привычной среды. Кто будет отвечать за питание, лекарства и связь с родственниками? Девочка уже сказала, что её мать работает за пределами модуля.

— Значит, вызовем мать.

— Вызовем. И организуем осмотр. Но нельзя сейчас взять людей и вывезти только потому, что в инструкции для биогруза не нашлось нужной графы.

Бородин смотрел на него несколько секунд. Потом указал на внешний шлюз.

— А если я его опломбирую и отправлю контейнер на изолированную площадку?

— Тогда вы подпишете решение о транспортировке обитаемого объекта без подтверждённого питания. Я в акте отдельно отмечу, кто предложил этот вариант и что он был предупреждён о рисках.

— Вы всегда так разговариваете?

— Когда речь идёт о людях — стараюсь подробно.

Они вернулись к наружной панели. Федя стоял в стороне и старательно не слушал. Павел включил служебный терминал, открыл грузовой сертификат и перешёл к полной истории допусков. Несколько последних записей были заверены обычными коммерческими подписями. Затем шёл старый код: О-16.

Павел перестал листать.

Он знал этот код. По нему когда-то перевозили опытные биотехнологические комплексы, которым требовалось длительное внешнее питание и особый температурный режим. Большинство подобных разрешений отменили, когда появились новые стандарты. Некоторые сохранили в архиве, потому что нельзя было просто остановить уже работающие установки.

В сертификате стояла длинная цепочка продлений. Семнадцать лет назад, одиннадцать, восемь, два года назад. Каждое действительное на момент оформления. Ни одного разрыва.

— Интересно, — пробормотал Павел.

— Что? — спросил Бородин.

— Груз практически безупречен на бумаге. Хотя его содержимое никак не соответствует заявленному назначению.

— То есть мошенничество?

— Возможно. Но кто-то тратил немало сил, чтобы каждое продление проходило проверки. Обычному контрабандисту проще менять номера после каждого рейса.

Павел открыл вкладку о перевозимых лицах. Чистое поле. Не ошибка ввода, не незаполненное приложение — специально подтверждённая отметка, что пассажиров нет.

Он сохранил копию реестра и закрыл экран.

Бородин вывел на свой коммуникатор входящее распоряжение и нахмурился.

— Корпорация «Линия» запросила возврат модуля в свою охраняемую зону. Пишут, что произошло несанкционированное вскрытие коммерческого груза. Требуют передать его в исходном состоянии.

— Они знают о людях?

— В запросе только про груз.

— Тогда ответьте, что восстановить исходное состояние невозможно. Груз уже осмотрен, присутствие людей задокументировано.

— Они будут требовать официального решения.

— Получат. После того как мы установим, кому и чем угрожает перемещение.

Бородин отправил ответ. Павел видел, как осторожно тот подбирает слова. В такой работе слова порой обходились дороже любой испорченной техники.

Из внутреннего шлюза выглянула Лея.

— Вы уходите?

— Пока нет, — ответил Павел.

— А нас отсюда увезут?

Вопрос был задан без слёз и без привычной детской попытки угадать, что взрослые хотят услышать. Павел не мог знать, как много она понимает. Но врать не собирался.

— Кто-то очень этого хочет. Сейчас я выясняю, имеет ли он на это право.

Лея подумала, потом кивнула.

— Мама говорит, что так обычно и начинаются неприятности. Кто-то решает, что имеет право.

Она ушла обратно, не дожидаясь ответа.

Павел посмотрел на закрытую дверь, потом на грузовую запись. Перед ним стоял контейнер со страховкой на семь миллионов кредитов, а в документах не было предусмотрено места даже для имени ребёнка.

Он открыл свой рабочий журнал и создал новый акт. В поле «Категория происшествия» система предложила четыре стандартных варианта: технологическое отклонение, нарушение упаковки, ошибка маркировки, подозрение на запрещённый груз.

Павел выбрал «Иное».

Раньше он ненавидел этот пункт. Теперь впервые за долгое время счёл его полезным.

Глава 3

К двум часам дня дело успело обзавестись тремя номерами, двумя ответственными комиссиями и одной официальной жалобой на Павла.

Он узнал об этом от Зины Петковой, когда вернулся в диспетчерскую за доступом к полному грузовому журналу.

— Поздравляю, — сказала она. — Обычно у нас до первой жалобы работают хотя бы сутки.

— Кто жалуется?

— Перевозчик. Вы нарушили условия хранения биологических культур, допустили загрязнение грузового шлюза и препятствуете отправлению контейнера.

— Культур в контейнере я пока не обнаружил.

— Это вы и напишите в объяснительной. А перевозчик уже прислал юриста.

Павел принял от неё планшет и увидел требование «Линии»: немедленно восстановить пломбировку, прекратить самостоятельный осмотр и передать груз владельцу договора перевозки. Человек, составлявший письмо, был опытным специалистом. Формулировки выглядели сдержанно, угроз почти не было, зато каждая ссылка вела к действующему пункту какого-нибудь соглашения.

— В чём подвох? — спросила Зина.

— В том, что это хорошие юристы.

— Я спрашивала про контейнер.

Павел колебался. Он не хотел делать из обнаружения публичное зрелище. В грузовом секторе новости расходились быстрее служебных сообщений, особенно когда происходило что-нибудь не связанное с очередным спором о штрафе за погрузку.

— Внутри люди, — сказал он. — По меньшей мере четверо. Живут там давно, помещение оборудовано для постоянного проживания. Паспортов установленного образца нет. Все документы на сам контейнер действительные.

Зина медленно поставила чашку на стол.

— Как это — живут?

— С кроватями и посудой. Там девочка уроки делает.

— На рейсе?

— По всей видимости.

— Ты сейчас шутишь?

— Нет.

Она раскрыла грузовой реестр, ещё раз проверила категорию перевозки и покачала головой.

— У нас по этой категории вообще люди не учитываются. Туда можно живую культуру загрузить, химическую среду, экспериментальный организм...

— Человека формально тоже можно назвать экспериментальным организмом, но я бы не рекомендовал писать так в акте.

Зина не оценила шутку. Она уже вывела перечень ограничений на экран.

— В двадцать один ноль пять у контейнера плановая отправка. До этого его должны передать в соседний сектор. Если мы вовремя не закроем спор по грузу, управление оформит принудительное перемещение. Они не любят держать дорогие перевозки из-за одного эксперта.

— Есть возможность наложить запрет на перемещение до оценки угроз?

— На восемь часов от первичной регистрации. Это стандартный срок на выяснение причин аварийного вскрытия. После него требуется решение руководителя терминала или подтверждённый запрос дополнительной экспертизы.

— Которую кто-то должен оплатить.

— Угадал.

С момента регистрации вскрытия прошло уже почти два часа.

Павел вернулся к терминалу и раскрыл свои материалы. На экране появился снимок жилой секции: общий стол, кухонные шкафы, стенная полка, на которой лежала забытая кем-то книга. После нескольких лет экспертизы аварийных узлов он привык прикладывать фотографии предметов, но этот кадр производил странное впечатление. Всё в нём было в порядке. Ни самодельной камеры, ни клеток, ни связанного человека, ни явных следов принуждения.

Просто дом. Причём хуже всех возможных доказательств своего существования для тех, кто жил внутри.

Он набрал короткое предварительное заключение: «Обнаружено обитаемое герметичное помещение с автономными системами жизнеобеспечения и фактическим присутствием гражданских лиц. Перемещение без оценки условий обеспечения жизнедеятельности не рекомендовано». Добавил показатели давления и воздуха. И ещё одну фразу, которую обычно обходили стороной: «Внешние документы на груз не отражают его фактическое использование».

Последнюю формулировку он перечитал дважды. За неё можно было получить претензию, если владелец сумеет доказать, что назначение груза указано корректно. Но иначе написанное означало бы лишь то, что Павел видел людей и предпочёл не замечать их.

К нему подошёл Бородин.

— Представитель «Линии» на связи. Просит разговора с экспертом. Я думал, вы не захотите, но он прислал правильный допуск.

— Пусть подключается. С записью.

На стенном экране появился мужчина лет сорока в строгой тёмной куртке. Никаких знаков должности, кроме тонкого серебристого значка компании. Лицо было незапоминающимся — отличный рабочий инструмент для человека, который ведёт конфликтные переговоры.

— Евгений Морс, юридическое сопровождение грузовых операций, — представился он. — Господин Корин, мы ознакомились с вашим предварительным отчётом. Я бы хотел уточнить основания для дальнейшего удержания собственности нашего клиента.

— Сначала сообщите, известно ли вашему клиенту о находящихся внутри людях.

Морс не изменился в лице.

— Нам стало известно о незарегистрированных лицах из сообщения терминала. Ситуация вызывает беспокойство, особенно в связи с биологическим назначением установки.

— Тогда вы, вероятно, поддержите независимую проверку безопасности.

— При надлежащем оформлении — разумеется. Однако передача модуля в нашу охраняемую зону не препятствует такой проверке.

— Препятствует, если там нет необходимых подключений и предусмотрен стандартный карантинный режим. Вы готовы предоставить схему питания и условия временного содержания людей?

— Мы готовы обеспечить соблюдение всех действующих норм.

— Это не ответ.

— Я не технический специалист.

— Тогда прошу прислать технического. Люди не могут ждать, пока мы обменяемся общими формулировками.

Морс выдержал паузу, затем заговорил медленнее:

— Господин Корин, понимаете ли вы, что в открытом вами модуле могут содержаться опасные микроорганизмы? По сведениям нашей компании, он предназначен именно для промышленной биологии. Мы не можем исключить, что обнаруженные там люди были допущены к оборудованию незаконно и подверглись воздействию содержимого.

— Согласен. Поэтому и нужен осмотр. Пока ручной анализ воздуха не выявил отклонений, но это, конечно, не заменяет лабораторию.

— Тогда оставьте вопрос специалистам нашего подразделения.

— Я специалист, которого пригласили до того, как вы попросили оставить вопрос вашим специалистам.

Морс на мгновение опустил глаза, словно делал пометку.

— Мы будем оспаривать ваши действия в установленном порядке.

— Это ваше право. Пришлите обоснование безопасного перемещения, я его рассмотрю.

И пожалуйста, отдельно подтвердите, что люди не будут изолированы от подачи энергии и воды.

Экран погас. Бородин некоторое время смотрел в чёрное стекло.

— Ничего себе разговор.

— По-моему, довольно вежливый, — ответил Павел.

— Я не о вежливости. Они слишком быстро прислали юриста.

Павел тоже об этом подумал. На грузовых терминалах спор из-за биокультур мог стоить миллионы, но обычный порядок предполагал сперва звонок начальника склада, потом инженера, потом страховщика. Юристы приходили к концу первого дня, если возникал серьёзный конфликт. Здесь всё началось с них.

В пятнадцать двадцать семь произошла вторая неприятность.

Обычное распределение питания на одиннадцатом секторе прервали на плановую замену нагрузки. Контейнер должен был на несколько секунд перейти на собственные накопители, а затем автоматически восстановить подключение. По инструкции ничего опасного в этом не было.

Однако система не переключилась обратно.

На диспетчерской панели загорелось предупреждение об ограниченном внешнем питании. Федя сообщил, что разъём проходит проверку и подключение возобновят в течение двадцати минут.

— Зачем вы вообще тронули эту линию? — спросил Павел, уже направляясь к грузу.

— Общая профилактика. По графику! — возмутился Федя. — Проверка была назначена месяц назад.

— Вы в графике видели отметку, что здесь теперь жилой отсек?

— Отметка только что появилась. Я не успел перенести работы.

— Тогда идём исправлять.

У внешнего шлюза стоял Мирон. Он не кричал и не пытался отнять у техника инструмент, но выражение лица у него было таким, что Федя остановился сам.

— Сколько продержится модуль? — спросил Павел.

— На аварийном питании — двое суток при жёсткой экономии, — ответил Мирон. — Нас прямо сейчас никто не теряет. Но я не хочу расходовать резерв из-за ваших плановых работ.

— Согласен. Где точка отказа?

Мирон показал на внешнюю стойку. После профилактического переключения счётчик начал принимать энергию, но один из защитных контакторов остался разомкнут. Старое оборудование требовало ручного подтверждения режима, которого новый контроллер терминала не запросил.

— Это из-за нашего сертификата? — спросил Павел.

— Из-за того, что ваш новый контроллер никогда не видел старых подключений, — ответил Мирон. — Я отправил служебную заявку ещё на подходе. Мне ответили, что тип устройства снят с поддержки.

Федя заглянул в окно диагностики.

— Если я вручную переводу контактор, автоматика отметит вмешательство.

— Пусть отмечает. Запиши меня присутствующим экспертом, — сказал Павел. — А перед переключением проверьте отсутствие короткого замыкания на стороне модуля.

Они потратили на проверку ещё семь минут. Когда питание восстановилось, Мирон невольно выдохнул с облегчением. Павел заметил это и понял, что его спокойные слова о двух сутках резерва были сказаны прежде всего для Леи, которая наблюдала за ними из внутреннего шлюза.

— Спасибо, — сказал Мирон.

— Благодарите Федю. Он сделал работу.

Федя смутился и принялся складывать инструменты, будто его застали за чем-то неприличным.

Сбой не угрожал немедленной гибелью людей, но очень наглядно показал, в чём заключалась проблема. Терминальная автоматика считала контейнер технологической установкой. Для неё отключение части питания было допустимой операцией, пока не превышались нормативы, указанные для груза. Для тех, кто жил внутри, тот же режим означал необходимость экономить воздух, воду и тепло.

Павел сохранил технический журнал. Его будущий отчёт становился длиннее, а рабочий день заметно дороже.

В шестнадцать сорок страховой пул сообщил, что оплачивает первоначальный осмотр, но не готов финансировать международную правовую экспертизу. Формулировку прислали такую, будто Павел попросил построить для контейнера новый док.

В семнадцать двенадцать Бородин предупредил: начальник терминала рассматривает передачу груза «Линии» по окончании восьмичасового срока. Подтверждённого заказчика дополнительной проверки пока не было.

Павел сидел в переговорной рядом со служебным шлюзом, пил воду из автомата и считал. Его личный резерв позволял оплатить не больше суток независимого простоя. Причём тогда пришлось бы отложить взнос за аренду рабочей лицензии. Это было вполне конкретное последствие решения, которое ещё утром казалось обычной технической проверкой.

Он уже собрался идти к начальнику терминала, когда за спиной раздался женский голос:

— Вы Павел Корин?

В дверях стояла женщина в светлой рабочей куртке с большим мягким чемоданом. Короткие тёмные волосы, усталое лицо, потёртые ручки сумки. Вид у неё был такой, словно она последние сутки разбиралась с неисправным оборудованием и не рассчитывала, что её день закончится здесь.

— Да. А вы?

— Марина Рогова. Мать Леи. Мне сказали, вы осматриваете наш модуль.

Павел встал.

— Ваша дочь в порядке. Условия жизни хорошие, насколько я успел проверить. Но есть юридическая проблема.

— Я знаю. Мне уже передали.

— Тогда вы знаете, что вас могут принудительно переместить.

— Поэтому я здесь.

Она поставила чемодан у стола и попросила показать отчёт. Павел вывел служебную версию без личных данных жителей. Марина быстро прочитала его, задержалась на старом коде О-16 и на заключении о недостаточности гарантий безопасного перемещения.

— Вы действительно работали с такими допусками? — спросила она.

— Когда был государственным инспектором. Они почти вышли из употребления.

— Не все.

— Это я уже заметил.

Марина чуть улыбнулась, но сразу посерьёзнела.

— Я хочу заказать у вас независимую техническую экспертизу, включая проверку условий перевозки, исторических разрешений и возможности безопасного перевода модуля на другой терминал. Оплата официальная. Договор заключит наша сервисная организация.

— У вас есть деньги на такой договор?

— Если вас интересует банковская гарантия, я могу предоставить её сейчас. Если вам необходимо полное объяснение, почему я работаю с этим оборудованием, его сначала придётся обсудить с людьми, которых оно касается.

— С людьми в контейнере?

— В том числе.

Он услышал осторожность в её голосе. Марина не просила скрыть преступление, не предлагала наличные и не пыталась вызвать жалость. Она говорила с ним как с инженером, которому нужна работа, а не как с полицейским, которого надо обойти. Возможно, именно поэтому Павел стал ещё внимательнее.

— Вам известно, что ваши пассажиры не зарегистрированы?

— Известно.

— И что разрешение оформлено на промышленную установку?

— Да.

— Тогда почему вы не начали с оформления пассажирских документов?

Марина отвела взгляд к стене, где отсчитывались минуты до следующей перегрузочной волны.

— Потому что это не делается одним заявлением, господин Корин. И потому что за такое заявление иногда приходится платить людям, которые его не подписывали.

— Это ответ не на мой вопрос.

— Пока другого у меня нет.

Павел прикрыл экран.

— Если я возьмусь за экспертизу, вы должны понимать одну вещь. Я не буду писать, что груз безопасен, если он опасен. И я не стану скрывать людей от обязательного контроля, если закон требует его проведения. Я могу добиваться, чтобы контроль не причинял вреда. Это разные задачи.

— Мне достаточно, если вы будете делать свою работу добросовестно.

Слишком правильный ответ, подумал Павел. Обычно заказчики с этого начинали, а потом подробно объясняли, какую именно добросовестность имеют в виду.

Марина достала с планшета проект договора. Павел проверил лицензию сервисной организации, подпись представителя, банковскую гарантию. Всё было действительным. Станным казалось только то, как предусмотрительно составили условия: отдельным пунктом разрешалась проверка старых транспортных допусков, отдельным — сопровождение грузовой единицы при смене терминала, ещё одним — конфиденциальная работа с персональными данными.

Павел снова поднял глаза.

— Вы давно искали эксперта?

— Некоторое время. Специалистов по этим разрешениям осталось мало.

— Почему обратились ко мне?

— Вы уже здесь. И, насколько мне известно, ещё не согласились передать наш модуль первому, кто предъявил красивую бумагу.

Ответ был правдоподобным. Не полным, но правдоподобным.

Павел не стал продолжать расспросы. Подписал временное соглашение на первичную техническую экспертизу, отправил запрос на продление удержания модуля и приложил гарантию заказчика. Теперь у руководства терминала появлялось формальное основание сохранить груз на месте до независимого решения.

Бородин подтвердил регистрацию документов лично. Судя по его выражению лица, он был рад, что спор перестал висеть исключительно на нём.

— Только учтите, — сказал он Павлу. — Компания будет возражать. Она уже запросила все ваши акты за сегодняшний день.

— Пусть читает. Мне пришлось написать их достаточно много.

Когда дело было закончено, Павел проводил Марину к шлюзу. Лея увидела её через внутреннее стекло и тотчас бросилась открывать дверь, забыв про собственное правило не пускать посторонних без проверки.

Марина обняла дочь одной рукой, второй всё ещё держа рабочий чемодан. Лея заговорила так быстро, что Павел разобрал только слова «документы», «фильтр» и «он видел мою тетрадь».

— Я слышала, — сказала Марина. — Давай сначала посмотрю, всё ли исправно.

— Мы уже исправили, — сообщила Лея. — И Павел сказал, что нас пока не увезут.

Мать посмотрела на него поверх головы девочки.

— Пока, — осторожно уточнил Павел.

Лея сдвинула брови, но спорить не стала.

Павел вернулся в диспетчерскую. Зина передала ему копию продлённого разрешения, удостоверилась, что страховщик больше не отвечает за расходы, и пожелала удачи таким тоном, каким обычно желают её человеку, решившему добровольно проверить, работает ли аварийный шлюз без воздуха.

Он открыл список задач на завтра. Первым пунктом поставил проверку всей цепочки продлений кода О-16. Вторым — выяснение, кто именно выпускает грузы по такому разрешению и сколько их прошло через «Порог» за последний год.

До этого дня Павел считал себя человеком, который хорошо понимает, где заканчивается его ответственность. Он умел вовремя закрывать акт, отказывать заказчику и уходить домой, когда работа превращалась в чужой конфликт.

Сейчас ему тоже ничто не мешало уйти. Контракт был подписан, угрозы на ближайшие часы не было, дальнейшая проверка могла начаться утром. Он убрал планшет в сумку и направился к выходу.

За смотровым окном медленно проходил грузовой корабль, собранный из рядов одинаковых модулей. Каждый имел номер, отправителя и получателя. Павел автоматически попытался оценить, сколько среди них старых биотехнологических установок, оформленных по аналогичным разрешениям. По внешнему виду это было невозможно определить.

Внизу на платформе рабочие готовили ещё одну партию контейнеров к отправке. Для терминала все они были грузом. Павел поймал себя на том, что теперь рассматривает каждую тёмную сервисную панель, словно за ней может открыться освещённая кухня.

Это было, конечно, глупо.

Но утром он и представить не мог, что будет обсуждать с девочкой школьное задание посреди грузового причала.

Дома Павла ждали неоплаченный счёт за обслуживание квартиры и черновик отчёта о повреждённой шахтной машине. Вместо привычной дороги он свернул к круглосуточной информационной стойке. Сел, подключил служебный доступ и отправил первый запрос по старому коду допуска.

Система ответила, что архивные сведения хранятся у первоначального оператора и выдаются только при наличии обоснования.

У Павла обоснование теперь было. В соседнем секторе шесть человек жили за дверью, за которой по официальной ведомости не было никого.

Он открыл форму и ввёл старый код допуска. Система попросила уточнить, к какому объекту относится запрос. Под номером сегодняшнего контейнера появился ещё один. Потом третий. Павел прокрутил список до конца.

Девятнадцать действующих грузовых единиц числились по той же редкой категории О-16. Их содержимое и владельцы были закрыты для внешней проверки, но номера никто не прятал: в обычной работе терминала это не считалось секретом.

Павел откинулся на спинку стула. До сегодняшнего утра он вообще не думал, что кто-то ещё пользуется этими разрешениями.

Один контейнер, в котором жили люди, мог быть исключением. Девятнадцать похожих контейнеров пока ничего не доказывали.

И всё же он выбрал в форме пункт «Проверить связанные объекты» и отменил своё первоначальное решение ехать домой.

Глава 4

Ночью грузовой терминал почти не отличался от дневного. По потолку всё так же ползли тележки, в транспортном кольце гудели опоры, диспетчеры спорили из-за очередности погрузки. Разница заключалась в том, что ночью здесь чаще признавались в ошибках. Днём на это обычно не хватало времени.

К четырём утра Павел выяснил, что из девятнадцати контейнеров с допуском О-16 только один числится на «Пороге». Остальные были разбросаны по орбитальным складам Реи и её пригородным грузовым стоянкам; два уже готовились к отправлению. Проверить их содержимое он не мог. Действующее разрешение на экспертизу касалось R-44-118 и связанных с ним условий перевозки, а не любых модулей, название которых ему показалось подозрительным.

Он составил таблицу с номерами, маршрутами и доступными датами технических проверок. Семь контейнеров принадлежали разным фирмам, но обслуживались одним и тем же расчётным центром. У четырёх совпадали даты продления разрешений. Ещё три раз в несколько месяцев меняли направление перевозки, хотя в документах значились как стационарные промышленные установки.

Всё это можно было объяснить. Расчётные центры обслуживали сотни компаний, а старые установки иногда перебрасывали туда, где они приносили больше пользы. Павел сам составлял подобные объяснения, когда работал в инспекции. Теперь раздражало, что ни одно из них нельзя было окончательно исключить.

Он запросил сведения о прошлых перевозках одного из контейнеров. Система предложила подтвердить интерес в рамках судебного спора. Павел приложил свой номер экспертизы, получил автоматический отказ, изменил основание на «оценка рисков связанных операций» и получил второй отказ — более вежливый.

— Третий раз попробуете, вас она ещё и пожалеет, — сказала Зина Петкова.

Она пришла на новую смену с пакетом горячих лепёшек. Никаких вопросов о том, почему Павел не ушёл домой, не задала; у терминальных работников была особая профессиональная тактичность по отношению к людям, самостоятельно разрушившим собственный сон.

— У вас тут незаконно перевозят людей, — сказал Павел. — А архив не хочет показывать, куда именно перевозят другие грузы по такому же разрешению.

— Потому что одни люди и другие грузы — не одно и то же. Даже если разрешение одинаковое. — Зина поставила пакет рядом с его планшетом. — Ешьте. Вы выглядите хуже, чем вчерашний контейнер.

Лепёшка была горячей и слишком солёной. Он съел половину, прежде чем сообразил, что давно не ужинал.

— Вы не знаете, у кого ещё есть доступ к первичному оператору по старым допускам?

— По официальному запросу — у собственника и у тех, кому он разрешил. По неофициальному — у человека, который двадцать лет назад настраивал эту систему. Его здесь никто не видел последние лет десять.

— Очень полезно.

— У меня есть ещё полезное. Третья перегрузочная волна завтра в девять десять. Ваш объект поставлен на исходный рейс до Тессера. Если независимая экспертиза не определит другой порядок, срок хранения истечёт, и начнётся спор о стоимости простоя.

— Марина оплатила продление.

— До вечера. Я вижу счёт. Деньги — не то же самое, что право держать чужое имущество сколько угодно. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

Павел знал. И от этого известие не становилось приятнее.

Утром он всё-таки добрался до своей квартиры — маленького помещения на внутреннем кольце, с кухней, которой пользовался реже, чем рассчитывал при аренде. На стене над столом мигало напоминание об оплате обслуживания. Он машинально отложил уведомление на сутки, поставил обувь у двери и обнаружил, что сравнивает собственную прихожую с прихожей внутри грузового контейнера. Там, по крайней мере, висела аккуратная табличка для гостей.

Поспать удалось час с небольшим. Проснулся он от вызова Марины.

— Простите за ранний звонок, — сказала она. — Мне сообщили, что вы получили отказ по архивным сведениям.

— Вы следите за моими запросами?

— Не за вашими. За обращениями по нашим грузовым разрешениям. Я отвечаю за техническую часть договора и вижу уведомления, когда кто-нибудь запрашивает историю объекта.

— Значит, мой запрос на проверку пятнадцатилетней давности вам известен, а что перевозили другие контейнеры — неизвестно?

— Это разные уровни сведений.

— Очень удобно.

— Для обеих сторон, господин Корин. Иначе любой эксперт с действующим договором мог бы запросить все наши коммерческие маршруты.

Она говорила спокойно и не пыталась смягчить ответ. Это Павлу нравилось гораздо больше, чем заверения, будто ему уже всё объяснили. Но продолжать такую работу вслепую было бессмысленно.

— Встретимся через час на причале, — сказал он. — Мне нужно понимать, что именно я проверяю.

Марина пришла не одна. Вместе с ней был Мирон, на этот раз обутый в одинаковые ботинки, и Лея, которая несла небольшой ящик с чистыми фильтрующими кассетами. Девочка направлялась к шлюзу, но, увидев Павла, остановилась.

— Вы всё ещё здесь?

— Мой контракт оказался длиннее, чем я рассчитывал.

— У нас такое часто с ремонтом.

— Тогда вы понимаете моё положение.

— Я понимаю, что вы опять не выспались.

Лея ушла внутрь. Мирон проверил крепление принесённого ящика, хотя Павел уже видел, что тот надёжно зафиксирован. В присутствии чужого эксперта старик старался не оставлять поводов даже для самой мелкой претензии.

— Нам нужно поговорить без детей, — сказал Павел.

Марина согласилась. Они прошли в свободную служебную комнату, из которой через большое окно было видно R-44-118 и несколько десятков обычных контейнеров. Снаружи он ничем не выделялся: та же матовая обшивка, тот же номер на углу, та же старая вмятина у нижнего захвата.

Павел положил планшет на стол.

— Договор позволяет мне оценивать историю допусков и безопасность дальнейшей перевозки. При этом вы заранее знаете о девятнадцати связанных объектах, но не хотите сообщать, что в них находится.

— Откуда вы взяли девятнадцать? — спросил Мирон.

— Из открытого реестра. Не самый надёжный способ скрывать существование имущества.

— Эти разрешения не обязательно связаны между собой, — заметила Марина.

— Согласен. Поэтому я не писал в акте, что они связаны. Но пять контейнеров регулярно встречаются на одних и тех же терминалах, а их техническое обслуживание оплачивает одна группа посредников. Я хочу знать, с чем это связано.

Мирон чуть повернул голову к Марине. Оба промолчали.

— Мне не нужны ваши коммерческие формулы, — продолжил Павел. — Мне нужно узнать, не подвергнутся ли люди из R-44-118 риску, если мы вернём их на обычный маршрут. Я уже видел один сбой из-за несовместимости старой системы с новой. Допустим, на следующей станции случится второй. К кому обращаться? Где техническая база? Кто способен предоставить сертифицированный адаптер? Сейчас ваш модуль выглядит как оборудование, которое очень хорошо обслуживают люди, не желающие указывать адрес мастерской.

— Мастерская есть на Тессере, — сказал Мирон. — Там работают с этим типом оборудования.

— Название?

Мирон назвал сервисный кооператив. Павел проверил его по открытому реестру. Организация существовала, имела право инспектировать энергоёмкие герметичные модули и поддерживала старые стандарты подключения. Действующий допуск, несколько специалистов, собственная измерительная линия. Никаких очевидных нарушений.

— Почему вы сразу не предложили провести экспертизу там? — спросил Павел.

— Вы не спрашивали, где находится наша мастерская, — ответил Мирон.

— Вчера я в основном спрашивал, почему в холодильнике живёт ребёнок.

— И всё ещё не получили ответа, — заметила Марина.

— Получил один. Потому что там её дом. Второго пока нет.

Марина положила перед ним технический паспорт модуля — подробную схему питания, без сведений о владельцах соседних контейнеров.

— Наш основной маршрут и так проходит через Тессер. Если вы действительно хотите проверить безопасность, разумнее сделать это там. На Рее нет стенда для старого подключения O-16, и вы уже убедились, что местная автоматика считает его неисправностью. Там можно осмотреть систему в условиях, близких к реальной перевозке.

Павел изучил список оборудования. Предложение было логичным. Слишком логичным для человека, который впервые узнал о его работе только накануне — как она утверждала. Но он не стал задавать вопрос, ответ на который всё равно не мог проверить.

— Мне потребуется разрешение на сопровождаемую перевозку обитаемого объекта. С отдельной регистрацией присутствующих и независимым контролем питания. Не обычный грузовой сертификат.

— Я готова подписать необходимые сведения, — сказала Марина.

— Вы понимаете, что после этого они появятся в системе терминала?

— Их присутствие уже зафиксировано в вашем акте и в акте службы безопасности. Новое заявление ничего принципиально не изменит. Важнее, чтобы никто не отправил их в путь как пустой контейнер.

Павел не мог с ней спорить. Более того, впервые за ночь ему предложили действие, у которого были конкретные условия и измеримый результат.

Выйдя из переговорной, Павел не сразу отправил запрос комиссии. Он прошёл к обзорной галерее над одиннадцатым сектором и открыл на планшете публичный журнал прибытия грузов. Здесь не указывали содержимое контейнеров, имена владельцев или стоимость. Только номера, места постановки и время передачи между перевозчиками — сведения, без которых независимым кораблям пришлось бы гадать, свободен ли нужный причал.

Сначала он вывел семь номеров, обслуживавшихся одним расчётным центром. На экране появились десятки ничем не примечательных рейсов. Большинство сходило с Реи и исчезало за пределами доступного журнала. Павел добавил открытые данные Тессера, затем ещё двух транзитных стоянок. Программа составила обычную маршрутную сеть, в которой прежде он не увидел бы ничего интересного.

Только одна деталь повторялась слишком часто.

Грузы с разными владельцами оказывались на соседних местах в одни и те же короткие промежутки. Иногда два контейнера прибывали с противоположных направлений, проводили на терминале не более шести часов и расходились дальше — уже на других судах. Случайным такое расписание тоже могло быть: большие грузовые компании старались сводить партии в наиболее дешёвые перевалочные окна. Но подобный способ был выгоден для расходных материалов, а не для дорогих промышленных установок, которым любая новая погрузка сокращает ресурс.

Он нашёл случай одиннадцатимесячной давности: два модуля пришли на Тессер с интервалом в двадцать минут, стояли рядом, а через пять часов ушли в разные системы. Один вернулся тем же маршрутом ещё через три недели. Не было ни продажи, ни ремонта, ни смены условий хранения — по крайней мере, ничего такого, что требовалось бы указывать в открытой части журнала.

Павел попробовал наложить на схему привычную модель снабжения: предприятие выпускает продукт, склады отправляют его заказчикам, пустые или обслуженные ёмкости возвращаются. Маршруты не складывались. Контейнеры то встречались, то расходились и снова пересекались в другой точке. Будто смысл перевозок заключался не в доставке груза из одного места в другое, а в самих встречах.

На соседнем мостике Федя руководил заменой креплений. Увидев Павла, он жестом попросил не входить в закрытую зону. Павел показал, что и не собирался. Ему было достаточно публичного журнала: он уже получил вопрос, которого вчера не существовало.

Что могло требовать регулярных встреч огромных герметичных установок, которые на бумаге принадлежали разным фирмам?

Он отметил три наиболее устойчивых пересечения и впервые составил список не документов, которые следовало запросить, а мест, где стоило лично побывать. На первом месте оказался Тессер. Но пока это оставалось гипотезой о необычной транспортной деятельности, а не доказательством новых жилых модулей. Приписывать к любому холодильнику тайную семью было бы слишком соблазнительно — и совершенно непрофессионально.

Он составил предварительную схему экспертизы и отправил её Бородину. В ответ получил сообщение: «Объект задержан до решения комиссии. Прошу явиться лично». Павел закрыл планшет.

— У вашей организации есть корабль, который может безопасно доставить жилой модуль до Тессера?

— Есть несколько подходящих перевозчиков, — сказала Марина.

— Мне нужен один, с лицензией, исправной энергетической шиной и человеком, который не будет считать пассажира разновидностью биологической упаковки.

— Тогда выбор становится меньше, — сказал МIRON.

На совещании комиссии собрались четверо: Бородин, представитель порта, инженер энергослужбы и Павел. «Линия» подключилась через Евгения Морса. Юрист выглядел отдохнувшим, что раздражало сильнее его аргументов.

Морс начал с заявления о недопустимости вывоза имущества перевозчика без согласия собственника.

— Согласен, — сказал Павел. — Поэтому я предлагаю не вывоз без согласия, а замену перевозчика на участке, который уже указан в действующем транспортном задании. По контракту это допускается для срочной проверки безопасности при сохранении страхового обеспечения. Нужна техническая комиссия и подписи обеих сторон. Вы можете отказать, но тогда прошу предоставить здесь полноценную лабораторию и подтвердить безопасное размещение фактически обнаруженных людей.

— Мы готовы обеспечить любую необходимую лабораторию, — сказал Морс.

— В какие сроки?

— После согласования условий.

— До завтрашней отправки?

— Я не уполномочен обещать точное время.

Павел показал фотографии старого контактора и нового контроллера.

— Тогда у меня нет оснований утверждать, что перевод на вашу карантинную площадку безопасен. Оборудование там ещё новее.

Представитель порта не спешил соглашаться. Он опасался судебных претензий и прекрасно понимал, что стоимость задержания растёт каждый час. Но и подписывать перемещение людей в отсек без подходящего питания ему не хотелось.

— Если будет назван независимый перевозчик с лицензией и страховой гарантией, — сказал он, — комиссия рассмотрит изменение маршрута в течение суток. До этого контейнер остаётся на текущем питании, в том же секторе. Никакой самостоятельной перегрузки.

Бородин поставил отметку в журнале.

— А людям внутри я сообщу, что они временно остаются там, где находятся. Чтобы потом никто не сказал, будто мы забыли им объяснить.

Павел поблагодарил его. Это было незначительное уточнение, но за последние сутки оно казалось важнее половины больших решений.

Когда совещание закончилось, он отправил Марине итог. Та прислала три имени перевозчиков. Два судна принадлежали крупным транспортным компаниям; третьим значился малый буксир «Блик», владелец и капитан — Нора Беккер.

Павел проверил лицензии. У первых двух были большие грузовые отсеки, но ни один не имел допуска к перевозке автономных герметичных модулей по специальной программе контроля. «Блик» был небольшим, старым и не производил впечатления перспективной инвестиции. Зато лицензия содержала нужное приложение, а в техническом паспорте значился независимый силовой контур, рассчитанный на старые жилые и медицинские системы.

В графе «Последняя внеплановая проверка» стояла вчерашняя дата.

— Кто-то живёт очень интересной жизнью, — сказал Павел.

Он открыл сведения об этой проверке. Там было написано: «Исправлено замечание по ручной блокировке внешнего захвата. Причина повторного отказа устанавливается владельцем».

Рядом появился счёт за обслуживание, который владелец ещё не оплатил.

Павел перечитал формулировку, затем ещё раз посмотрел на название корабля. После суток работы с тайным жилым контейнером ему предлагали поручить дальнейшую судьбу людей капитану, чья техника сама была предметом спорной экспертизы.

Он набрал указанный номер.

Ответили не сразу. Затем в динамике раздался женский голос:

— Если вы насчёт долга, пришлите счёт после стыковки. Если насчёт работы — говорите сейчас.

— Меня зовут Павел Корин. Нужна перевозка одного герметичного модуля с Реи на Тессер. С независимым сопровождением и дополнительным питанием. Возможна срочная отправка.

За разговором послышался звук удара металла о металл.

— На сколько людей? — спросила женщина.

Павел медленно выпрямился.

— В каком смысле?

— В прямом. Вы сказали «герметичный» и «дополнительное питание». Вы можете приложить сертификат и дождаться обычной цены. А можете сразу сказать, сколько внутри людей и от чего их нельзя отключать. Тогда мы сэкономим друг другу время.

Он посмотрел сквозь стекло на ряды ничем не примечательных грузовых контейнеров.

— Пятеро сейчас на борту, — ответил он. — Шестой временно вне модуля. И возможно, за нами будут следить очень хорошие юристы.

— Юристы меня не пугают, — сказала Нора Беккер. — Они редко умеют обращаться со сварочным аппаратом. Но за срочность я возьму вдвое больше.

— Я ещё не согласился вас нанимать.

— Я тоже. Приезжайте. Посмотрим, кто из нас сильнее пожалеет об этой встрече.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.